

К ВОПРОСУ О НЕОБХОДИМОСТИ ФОРМИРОВАНИЯ НОВОЙ УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОЙ СТРАТЕГИИ

Исследованы критерии уголовно-процессуальной стратегии: разумность и целесообразность. Определены обязательные условия реализации этих критериев: соблюдение и уважение прав личности, реалистичность, экономичность, эффективность. Предложена стратегия разумной социальной целесообразности, которая опирается на общую идею права, имеет методологический базис и учитывает особенности позитивного уголовно-процессуального права.

Ключевые слова: уголовное судопроизводство, стратегия, разумность, целесообразность, права личности, реалистичность, экономичность, эффективность.

Одним из наиболее актуальных направлений научных исследований уголовно-процессуальной деятельности и уголовно-процессуального законодательства является изучение исследователями вопросов комплексного характера: назначения, целеполагания, аксиологической сущности уголовного судопроизводства, соответствия целей и средств процессуального производства и, следовательно, возможных и наиболее приемлемых, необходимых в нашем обществе стратегий уголовного судопроизводства с учетом исторических, социальных, культурных и иных предпосылок.

Каковы же уголовно-процессуальные стратегии, выявленные в настоящее время учеными-процессуалистами? В частности, Н.Г. Стойко выделил следующие:

1. Защита прав и свобод обвиняемого.
2. Уголовное преследование.
3. Социальная поддержка обвиняемого.
4. Социальная поддержка потерпевшего.
5. Рациональность и эффективность уголовного судопроизводства.
6. Примирение [10].

Вместе с тем нельзя не отметить отсутствие системного подхода к исследованию механизма формирования определенной уголовно-процессуальной стратегии. По большому счету речь идет об исключительной роли законодательной власти, формирующей принципиальные установления уголовно-процессуальной деятельности, поэтому в имеющихся на данный момент исследованиях, посвященных указанной проблеме, основное внимание вполне обоснованно обращается на анализ уголовно-процессуального законодательства отдельных государств с точки зрения его соответствия определенной стратегии. Вопрос о формировании такого стратегического подхода уголовно-процессуально-

го регулирования остается за рамками научных исследований, что влечет отсутствие их практического результата и, главное, результата создания, формулирования и реализации единой концепции развития уголовно-процессуального законодательства.

Необходимо подчеркнуть, что упомянутые уголовно-процессуальные стратегии, систематизированные и предложенные Н.Г. Стойко, ни в коей мере не исключают друг друга. По его собственному справедливому замечанию, уголовный процесс должен рассматриваться как социально-интегративный, в котором стратегии не противоречат, а дополняют друг друга [9, с. 12-15]. Вместе с тем при выборе стратегии или их совокупности необходимо руководствоваться критериями, которые практически игнорируются законодателем: это **разумность** (как соответствие чего-либо самодостаточной универсальной идее, обычному порядку вещей) и **целесообразность** (как соответствие поставленной цели). Полагаем, что данные критерии при выборе уголовно-процессуальной стратегии должны учитываться в совокупности.

Разумность как принцип права нашла свое закрепление в цивилистике. Так, ст. 99 ГПК РФ регулирует назначение процессуальных сроков с учетом принципа разумности, а в ст. 100 ГПК РФ упоминаются разумные пределы оплаты услуг представителя. Вместе с тем, несмотря на универсальный характер разумности как критерия принятия решения независимо от предмета вопроса, представители различных наук по-разному раскрывают его сущность. Например, философ В.Деком утверждает, что разумность – это установка на свободное применение рассуждения в дискуссиях. По мнению экономиста М. Гийома, разумность не имеет глобального смысла, но при крушении «великих поряд-

ков» помогает уменьшить нестабильность. Согласно меткому замечанию представителя литературной профессии Ц. Тодорова, разумность не является свойством реальности, но есть установка человеческого духа, это скорее горизонт, чем территория [14]. Очевидно одно: разумность основывается на законах логики и обуславливает необходимость учета конкретных правовых условий деятельности. Соответственно разумность как критерий должна обладать всеми признаками права, логической непротиворечивостью, а также адекватностью [2, с. 171].

Непоследовательность и нелогичность позиции законодателя убедительно демонстрирует введенная в УПК РФ Федеральным законом от 29 июня 2009 года процедура особого порядка принятия судебного решения при заключении досудебного соглашения о сотрудничестве (Глава 40.1), которая не согласуется со ст. 6 УПК РФ в части защиты прав потерпевших. Прежде всего непонятно, какова роль потерпевшего при заключении такого соглашения; имеет ли он право при ознакомлении с материалами уголовного дела по окончании предварительного расследования знакомиться с положениями заключенного соглашения; каков возможный алгоритм действий судьи, постановившего приговор в данном особом порядке, если потерпевший, не согласный с итоговым процессуальным решением, будет обжаловать его в вышестоящем суде.

В этой связи особый интерес представляет Федеральный закон от 30 апреля 2010 года «О компенсации за нарушение права на судопроизводство в разумный срок или права на исполнение судебного акта в разумный срок». Согласно указанному закону разумности придан статус критерия соответствия сроков производства и последующего исполнения итогового процессуального решения. С одной стороны, указанные нововведения следует оценить как позитивные тенденции в изменении процессуального законодательства. С другой стороны, следует констатировать их недостаточность. Уместно вспомнить действующий в ряде европейских государств принцип пропорциональности, включающий в себя три основных элемента – адекватность, необходимость и пропорциональность *stricto sensu* (соответствующая степень контроля).

По мнению немецкого ученого Р. Арнольда, принцип пропорциональности обладает первостепенным значением и характеризуется четырьмя основными признаками:

1) вмешательство публичной власти должно преследовать законную цель, связанную с **общим** интересом;

2) такое вмешательство должно способствовать достижению поставленной цели;

3) вмешательство должно быть необходимым для достижения цели (идея т.н. «минимального вмешательства»: публичное вмешательство должно быть в наименее жесткой, суровой форме, достаточной для получения требуемого результата);

4) необходимо обеспечивать баланс между серьезностью вмешательства и важностью цели [12, с. 45-56].

Анализ современного процессуального закона позволяет утверждать, что обозначенные критерии более чем актуальны и для российского уголовного процесса. Законность цели в УПК РФ обеспечивается, например, тем, что только суд вправе давать согласие на ограничение конституционных прав граждан при производстве по уголовным делам. Необходимость обоснования любого решения, которое принимается при производстве по уголовному делу, возведена в ранг принципа: п. 4 ст. 7 УПК РФ закрепляет, что определения суда, постановления судьи, прокурора, следователя, дознавателя должны быть законными, обоснованными и **мотивированными**. Минимальность вмешательства (в уголовном процессе, думается, речь идет об ограничении конституционных прав и свобод личности), в частности, проявляется в том, что задержание допускается только по делам о преступлениях, за которые предусмотрено наказание в виде лишения свободы (ч. 1 ст. 91 УПК РФ); продление предельно допустимого срока содержания под стражей по общему правилу не допускается (ч. 3 ст. 109 УПК РФ); принудительный привод не допускается в отношении беременных женщин, лиц, не достигших 14 лет, больных (ч. 6 ст. 113 УПК РФ); при решении вопроса об избрании меры пресечения необходимо всякий раз учитывать тяжесть преступления, личность подозреваемого или обвиняемого, его возраст, состояние здоровья, семейное положение, род занятий и другие обстоятельства (ст. 99 УПК РФ). Не чем иным, как стремлением обеспечить баланс между серьезностью вмешательства и важностью цели можно объяснить обязанность суда прекратить производство по делам частного обвинения в случае фактического примирения сторон (ч. 5 ст. 319 УПК РФ). Ряд таких примеров, демон-

стрирующих принцип пропорциональности в действии в сфере уголовного преследования, можно было бы и продолжить. Но уже сейчас можно сказать, что речь идет о проявлении разумности в праве. Правда, ее действие в таком аспекте распространяется на применение принуждения, вмешательство в частную жизнь личности, ограничение ее прав, свобод и законных интересов. Однако, думается, разумность должна пронизывать уголовное судопроизводство в целом, касаясь всех процессуальных действий и решений, не только принуждения, но и поощрения, а также превенции и реабилитации. Иными словами, разумность должна являться общим началом уголовного судопроизводства.

Гармонично дополняющим разумность является требование целесообразности, что детерминировано целенаправленным характером уголовно-процессуальной деятельности. Целесообразность – это социально-нравственное свойство законности, которое проявляется в установлении порядка уголовного судопроизводства, обеспечивающего достижение задач с наименьшим применением принуждения к участникам процесса [1, с. 39]. Адекватное формулирование целевых установок уголовного судопроизводства следует признать необходимой предпосылкой его эффективности.

Вместе с тем, если исходить исключительно из соображений целесообразности, то обеспечение достижения результата зачастую будет, по меньшей мере, затруднительно (если, например, за исходное утверждение принимать исключительно ст. 6 УПК РФ – права и свободы подозреваемого, обвиняемого являются назначением уголовного судопроизводства). Однако не всегда уголовно-процессуальные институты обусловлены *разумностью*. Скорее – безвыходностью, неэффективностью борьбы с преступностью, недостаточностью законодательно предусмотренных для этого механизмов. Например, учитывая, что идея компромисса не присуща российскому менталитету, иными причинами объяснить появление в таком «сыром» виде в уголовном судопроизводстве уже упомянутой идеи досудебного соглашения о сотрудничестве не представляется возможным.

Еще одним аргументом в пользу применения обоих критериев формулирования модели уголовного судопроизводства является то, что основное значение публичности следует усматривать в ориентации на **общественные** интересы как сбалансированное проявление и госу-

дарственных и частных элементов, обеспечивающее стабильность общества, его безопасность, нормальное функционирование и развитие. **Таким образом, если разумность может быть истолкована с точки зрения государства, то целесообразность подразумевает необходимость учета не только (и не столько) интересов государства, но и общества и личности.**

Отстаивая идею цивилизационного подхода к развитию уголовного судопроизводства, А.В. Смирнов пишет: «Задача публичного обвинителя при дискурсивном подходе состоит не в стигматизации правонарушителя, не в том, чтобы добиться его осуждения «хотя бы рухнул мир». ... Речь идет о другом – о праве на существование таких методов воздействия на правонарушителя, которые ... принцип возмездия ... заменяют идеей ресоциализации... Первым следствием этого является переход при возбуждении уголовного преследования и поддержания обвинения ...от принципа официальности ... к принципу **общественной целесообразности**» [8, с. 170-171] (выделено мной – И.С.).

Таким образом, оптимальная стратегия уголовного судопроизводства может быть построена только при учете двух рассмотренных критериев:

- разумность (логичный порядок вещей с объективной стороны);
- целесообразность (точка зрения рассудка – с субъективной стороны).

Однако реализация указанных критериев возможна при соблюдении следующих условий.

В первую очередь – это соблюдение и уважение прав личности. В этой связи Е.Н. Рахманова отмечает, что борьба с преступностью, в частности с терроризмом и другими опасными формами глобальной преступности, не должна совершаться за счет нарушения прав человека, которые подлежат защите в полной мере [7, с. 143-151].

Вторым условием формулирования уголовно-процессуальной стратегии следует, по нашему мнению, признать ее реалистичность. Еще в начале прошлого века С. Гаврилов указывал, что построение уголовного процесса определяется господствующими в обществе воззрениями на преступление и наказание [3, с. 332-335]. Развитие данной мысли можно обнаружить в трудах современных ученых. Так, В.В. Лунеев в этой связи метко и лаконично сказал: «Принятие законов вопреки реальным возможностям лишь дискредитирует их» [6, с.110]. Аналогично и В.С. Шадрин в оче-

редной раз обращает внимание на то, что любая стратегия уголовного судопроизводства может реализовываться в русле стратегии государственной правовой политики **на данном этапе развития государства** [15, с. 96] (выделено мной, – И.С.). Следовательно, необходимо учитывать не только возможности уголовно-процессуального регулирования, но и те ресурсы, которыми в целом располагает государство с учетом сложившихся исторических, культурных, социальных, политических предпосылок функционирования общества.

В-третьих, из вышеизложенного логично вытекает необходимость соблюдения такого самостоятельного условия, как экономичность, с учетом политико-экономической ситуации, сложившейся как в России, так и во всем мировом сообществе. Справедливости ради следует отметить, что еще М.С. Строгович при анализе рационализации уголовного процесса и обосновании его необходимости писал, что данный вопрос получает остроту и особое политическое значение в связи с общей кампанией по проведению режима экономии [11].

Обоснована и справедлива позиция В.Т. Томина, подчеркивающего, что реализация принимаемых процессуальных решений должна осуществляться в соответствии со здравым смыслом, без лишних, не необходимых затрат [13]. Достаточно лаконична и однозначна по этому вопросу позиция К.Ф. Гуценко: «... экономическая необеспеченность любого начинания – прямой путь к его дискредитации, каким бы хорошим и прогрессивным оно ни было» [4, с. 3-15].

Наконец, четвертым условием стратегического уголовно-процессуального планирования следует признать эффективность. В этой связи совершенно необходимо разграничивать эффективность и экономичность, отмечая, что в сфере применения права реализация правовых установлений может быть эффективной, но не экономичной или экономичной, но недостаточно эффективной.

В своей работе «Право и правовой закон» В.С. Нерсесян раскрывает математическую сущность правового закона, предлагая алгоритм становления и движения права как общезначимой формы отношений от исходной правовой идеи и до ее воплощения в жизни, выделяет четыре соответствующих блока, этот алгоритм образующих:

Блок А – является общеправовым и устанавливает исходную определяющую правовую идею.

Блок Б – является отраслевым, производным от Блока А; выступает связующим звеном между фундаментальной правовой теорией и правоустановлением, позитивным правом.

Блок В – правоустановление, блок нормативного формирования правового закона.

Блок Г – блок реализации права, правоприменения – позитивного права (законов) в действии, правового регулирования в индивидуально-конкретизированной форме, конкретных правовых отношений, реального правопорядка [5].

Следуя данному алгоритму, можно с сожалением констатировать, что наличествующие инновации-рекомендации в основном имеют отношение к блоку В и блоку Г, т. е. научные предложения касаются либо вопросов совершенствования законодательства, либо механизмов изменения практики его применения.

Предлагаемая модель опирается в первую очередь на обновленную общеправовую идею права (следуя алгоритму В.С. Нерсесяна – это первоначальный блок А), следовательно, имеет фундаментальный теоретико-методологический базис и может учесть особенности функционирующего позитивного уголовно-процессуального права.

Итак, предлагаемую нами стратегию можно охарактеризовать как **стратегию разумной социальной целесообразности**. Ввиду того, что основанием типологизации моделей уголовного судопроизводства выступает целеполагание, основное назначение названной процессуальной стратегии видится в следующем:

1. Минимизация расходов государства на производство по уголовным делам; перенос основного их бремени на более ранние этапы уголовно-процессуальной деятельности (развитие своеобразной стоимостной (затратной) превенции).

2. Минимизация негативных правовых последствий неудовлетворенности участников процесса от производства по уголовному делу (обращение в Европейский суд по правам человека по вопросам нарушения в ходе производства по уголовному делу прав личности, закрепленных в Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод).

3. Передача решения ряда вопросов, связанных с уголовным судопроизводством, гражданскому обществу (путем, например, развития института медиации, посредничества).

4. Переход от наказания как мучения к наказанию как процессу компенсации ущерба;

включение непосредственно в уголовное судопроизводство компенсаторных механизмов.

5. Ускорение производства, уменьшение времени с момента начала уголовного преследования до наказания виновного.

6. Снижение социальной ответственности суда за результат рассмотрения уголовного дела по существу.

7. Придание уголовному судопроизводству значения не только самостоятельной социальной ценности, но и средства обеспечения иных общезначимых ценностей. Как известно, аксиологическая оценка уголовного судопроизвод-

ства немыслима вне общества. В свою очередь его ценность заключается в удовлетворении тех ожиданий, которые с ним связаны, а также насущных потребностей общественного человеческого бытия. Таким образом, необходима такая уголовно-процессуальная модель, которая не только направлена на обеспечение ценностей, но и в силу своей потенции сама обладает ценностным содержанием.

Следовательно, и средства реализации стратегии разумной социальной целесообразности будут не только правовыми, но и внепроцессуальными.

14.01.2011

Список литературы:

1. Баранов А.М. Законность в досудебном производстве по уголовным делам. Автореф. дисс. ... д-ра юрид. наук. – Омск, 2006. – 39с.
2. Виниченко Ю.В. Категория разумности в гражданском праве России. – Иркутск: Изд-во БГУЭП, 2007. – 171 с.
3. Гаврилов С. Н. Розин, ордин. проф. С.-Петербургского У-та. Уголовное судопроизводство. Пособие к лекциям. С.Пб. 1914. (рецензия) // Юридический вестник / Под общ. ред. Б.А. Кистяковского. – М., 1914. – Книга VII-VIII (III-IV). – С.332-335.
4. Гуценко К.Ф. Судебная реформа: истоки, некоторые итоги и тенденции // Вестн. Моск. ун-та. Серия 11. Право. – 1995. – №5. – С.3-15.
5. Нерсисян В.С. Право и правовой закон: становление и развитие / Под ред. В.В. Лапаевой. – М.: Норма, 2009. – 384 с.
6. Лунеев В.В. Эффективность борьбы с преступностью и ее отдельными видами в современной России // Государство и право. – 2003. – №7. – С.106-111.
7. Рахманова Е.Н. Стратегии сдерживания преступности в условиях глобализации // Стратегии уголовного судопроизводства / Сб. матер. научн. конф. К 160-летней годовщине со дня рождения И.Я. Фойницкого. – М.: РАП, 2008. – С.143-151.
8. Смирнов А.В. Цивилизационный подход к развитию уголовного судопроизводства // Стратегии уголовного судопроизводства / Сб. матер. научн. конф. К 160-летней годовщине со дня рождения И.Я. Фойницкого. – М.: РАП, 2008. – С.162-173.
9. Стойко Н.Г. Стратегии уголовного процесса и их совместимость // Российский следователь. – 2006. – №4. – С.12-15.
10. Стойко Н.Г. Уголовный процесс западных государств и России: сравнительное теоретико-правовое исследование англо-американской и Романо-германской правовых систем. Автореф. дисс. ... д-ра юрид.наук. – СПб., 2007. – 50с.
11. Строгович М.С. Избр. Труды. В 3 т. Т.2. Гарантии прав личности в уголовном судопроизводстве. – М.: Наука, 1992. – 278 с.
12. Толстых В.Л. Конституционное правосудие и принцип пропорциональности // Российское правосудие. – 2009. – №12. – С.45-56.
13. Томин В.Т. Стратегия уголовного судопроизводства и некоторые ее составляющие: понятийный и терминологический инструментальный исследования // <http://www.iuaj.net>.
14. Черкашин В.А. Принцип разумности юридического процесса (объективные признаки) // Российское правосудие. – 2010. – №1 (45). – С. 36-40.
15. Шадрин В.С. Трансформация уголовного судопроизводства в контексте правовой политики государства // Стратегии уголовного судопроизводства / Сб. матер. научн. конф. К 160-летней годовщине со дня рождения И.Я. Фойницкого. – М.: РАП, 2008. – С. 96-1-4.

Сведения об авторе: **Смирнова Ирина Георгиевна**, старший научный сотрудник кафедры уголовного процесса и криминалистики Байкальского государственного университета экономики и права, кандидат юридических наук, доцент
664003, г. Иркутск, ул.Ленина, 11, корп.6, каб.213, e-mail: smirnova-ig@mail.ru

UDC 343.13
Smirnova I.G.

ON THE PROBLEM OF NECESSITY OF THE NEW LEGAL PROCEDURE STRATEGY FORMATION

The author conducted a survey on legal procedure strategy criteria: reasonability and practicability and defined necessary conditions of their realization: keeping and respecting of human rights, reality, economy, effectiveness. The author proposed the strategy of reasonable social practicability, based on the common law idea, having methodological basis and taking into account positive criminal-legal law features.

The key words: criminal court procedure, strategy, reasonability, practicability, personal rights, reality, economy, effectiveness.